

— Только одно: отныне она больше не член вашей семьи и не будет носить вашу фамилию. Я дам ей имя, которое сможет сдержать её судьбу, записанную в восьми иероглифах даты рождения.

Вероятно, из-за того, что раньше Даос Сюй был даосом, а может, от безнадёжности, когда хватаются за любую соломинку, её отец кивнул в знак согласия.

Даос Сюй снова достал деревянную табличку размером с ладонь. На одной её стороне были нарисованы красные узоры, похожие на талисманы, а на другой — написаны иероглифы. Даос Сюй сказал: «Ты дай ребёнку полное, официальное имя. Я впишу его в табличку замещения смерти, а ты зароешь эту табличку. Пусть она заменит этого ребёнка».

Тогда она считала это суеверием, но, тоже хватаясь за соломинку, решила не спорить.

Отец подумал и сказал: «Пусть будет Чжуан Сяочжэн».

Даос Сюй достал из кармана резец, порезал палец Эр-я и, используя её кровь, вырезал на деревянной табличке, на той стороне, где были написаны иероглифы, три знака, которых она не могла разобрать. Затем он отрезал прядь волос Эр-я, ножницами срезал немного ногтей с пальцев, завернул волосы, ногти и табличку в красную ткань, положил свёрток в яму и велел отцу закопать.

Даос Сюй сказал: «Когда зароете эту табличку замещения смерти, ребёнок минует врата жизни и смерти. Ваша родственная связь с ней прервётся. Никому об этом не рассказывайте, говорите, что отдали мне её в приёмные внуки. В будущем, если захотите её увидеть — приходите, но больше не признавайте её своей».

Отец кивнул, и Даос Сюй унёс Эр-я.

Отец сидел на обочине и смотрел вслед Даосу Сюю, который уносил Эр-я, пока тот не скрылся из виду. Тогда он вытер лицо рукой, засыпал выкопанной землёй, песком и камнями яму и сказал ей: «Если твоя сестра выживет, она будет удочерена Даосом Сюем».

Вернувшись домой, отец сказал матери, что ребёнка не закапывал, а по дороге встретил Даоса Сюя, который сказал, что девочка ещё дышит, и, от безысходности, забрал её. Он договорился с Даосом Сюем: если выживет, то будет удочерена им как внучка.

Услышав это, мать захотела пойти к Даосу Сюю домой. Она пошла вместе с матерью и увидела, что на дверях его старого саманного дома висит большой ржавый замок.

Мать приходила несколько дней подряд, но дома у Даоса Сюя никого не было.

Много дней спустя она услышала от родителей, что Даос Сюй вернулся. Оказывается, в те дни

его не было дома, потому что он возил Эр-я в районную больницу лечиться. Сказали, что Эр-я тогда не умерла, а просто впала в шок.

Родители ходили навещать Эр-я много раз, носили Даосу Сюю рис и овощи. Говорили, что он одинокий старик, раньше ещё мог подрабатывать, звоня в колокол в сельской начальной школе, но в прошлом году школу закрыли, ученики уехали учиться в посёлок, а тех овощей, что выращивал Даос Сюй, не хватало даже на жизнь.

О сельской школе ходили слухи, что там водятся привидения, здание стояло пустым, никто не решался там жить. Даос Сюй сказал, что раньше был даосом, его восемь иероглифов даты рождения тяжёлые, он сможет усмирить это место, и попросил у деревни разрешения переехать в пустую школьную комнату. Деревня, видя, что он одинокий старик, сжалась и согласилась.

Когда она снова увидела Эр-я, та уже жила с Даосом Сюем в сельской школе. Когда она пришла, то увидела, что Даос Сюй учит Эр-я ходить, держа её за руки.

После того как Эр-я научилась ходить, в деревне поползли слухи, что она ходит во сне. Кто-то говорил, что она потеряла душу и в неё вселился злой дух, кто-то — что это привидения в школе заколдовали Эр-я.

Многолетнее образование не позволяло ей верить в духов и чертей, на лунатизм тоже было научное объяснение. И то, что Эр-я потом научилась говорить и ходить, она считала результатом бесконечных тренировок и обучения Даоса Сюя, а также того, что с возрастом развивается интеллект. У многих детей с врождёнными нарушениями развития мозга состояние можно значительно улучшить с помощью правильного воспитания и тренировок. Однако, наверное, из-за лунатизма Эр-я, а также из-за того, что эта школа была построена на месте бывшего даосского храма, а при строительстве использовали надгробия с бесхозных старых могил, это место и Эр-я постоянно связывали со слухами о привидениях.

Раньше она не верила в духов, но этот случай заставил её сердце сжаться от страха. Во-первых, смерть Даоса Сюя была странной: в этих краях, только в районе Дикого горного лога, водились хорьки, но волков никто никогда не видел, не было ни следов, ни условий для обитания крупных хищников. Атмосфера прошлой ночи действительно была жуткой, и она не знала, связано ли это с психологическим внушением. Единственное, в чём она была уверена, — что мозг и разум Эр-я всё же немного отличаются от обычных людей, и нельзя полагаться на Эр-я как на нормального человека, чтобы она сидела у гроба.

— Сяошэн, а что это у тебя на шее за красная полоса?

Чжуан Сяошэн вздрогнула от окрика матери и удивлённо спросила:

— Что?

Мать указала на правую сторону шеи:

— Вот здесь. Четыре отчётливых кровавых следа. Кто тебя поцарапал? Ты что, подралась с Эр-я?

Чжуан Сяошэн потрогала место, на которое указала мать, и вспомнила, что прошлой ночью действительно чувствовала там жжение и боль. Она поспешила в комнату Эр-я, нашла зеркало и увидела на шее четыре ярко-красных следа от ногтей, даже кожа была содрана. Чжуан Сяошэн перехватило дыхание от страха перед этими неизвестно откуда взявшимися царапинами. Она даже не знала, когда её поцарапали! Прошлой ночью она спала всего час, а Эр-я не спала и не отходила от неё ни на шаг. Чжуан Сяошэн почти подбежала к Эр-я, которая спала, развалившись на восьмиугольном столе, пуская слюни. Она взяла руку Эр-я и посмотрела: у Эр-я не было длинных ногтей, её округлые ногти никак не могли оставить такие глубокие кровавые следы.

Лу Угуй спала и сквозь сон слышала, как Сестрица Сяошэн зовёт её спать в комнату, и кто-то всё время её толкает. Ей было очень хочется спать, она не хотела двигаться, но Сестрица Сяошэн всё торопила её, и ей пришлось встать. Она даже глаз не открывала, а с закрытыми глазами, по привычке зная дорогу, вошла в спальню, легла на кровать, натянула одеяло и устроилась поудобнее. Только она начала засыпать, как снова пришла Чжуан Сяошэн и позвала её сначала позавтракать, а потом спать. Лу Угуй хотелось спать так, что она не хотела обращать внимания на Чжуан Сяошэн, и притворилась спящей, делая вид, что не слышит. К счастью, пришла жена Чжуан Фуцина, добрая женщина, и тихо сказала: «Дай Эр-я поспать немного. Вот придёт Дядя Ин, и начнётся обряд, тогда она уже не уснёт». Лу Угуй мысленно показала жене Чжуан Фуцина большой палец, а затем услышала, как Чжуан Сяошэн села на край её кровати, сняла туфли и забралась к ней, пододвинув её внутрь.

Лу Угуй послушно перекатилась на самый край кровати, к стене, освобождая место Чжуан Сяошэн.

Чжуан Сяошэн тихо сказала: «Спи». Она натянула на Лу Угуй одеяло, укрыла её и легла рядом.

Лу Угуй спала не очень крепко, потому что снаружи было слишком шумно: люди ходили туда-сюда и громко разговаривали, все звуки были слышны. Здесь и так было довольно тихо, кроме того, что Чжуан Фуцин с женой время от времени заходили помочь ей и дедушке по хозяйству, да водились комары, змеи и всякая живность. Ну, когда она была маленькой, Сестрица Сяошэн приезжала на выходные домой и учила её читать и писать. А когда Сестрица Сяошэн поступила в университет, то на летних и зимних каникулах приезжала и каждый день занималась с ней, принося учебники по языку и математике. То, что она учила, отличалось от того, чему учил дедушка. Написание почти всех иероглифов было другим. То, чему учил дедушка — иероглифы, счисление, — Сестрица Сяошэн не понимала и думала, что это просто каракули. Но, учитывая, что Сестрица Сяошэн была терпелива и уговаривала её заниматься, Лу Угуй не смеялась над ней. Однако сейчас Сестрица Сяошэн была очень надоедливой. Она сама ворочалась и не могла уснуть, но всё равно лежала рядом и толкалась. А недавно, случайно коснувшись её руки, она ещё и погладила её, а потом укутала одеялом так, что осталась только голова, и обняла её прямо через одеяло, будто Лу Угуй могла замёрзнуть насмерть в эту погоду, когда только что прошёл Праздник середины осени. Лу Угуй дёрнулась

несколько раз, пытаясь оттолкнуть Сестрицу Сяошэн, эту живую печку, но та мягким, низким голосом уговаривала её: «Спи спокойно, у тебя руки холодные, я их погрею». Лу Угуй тайком пощупала свои руки под одеялом — не холодные! Она хотела спать, и, раз Сестрица Сяошэн её уговаривает, можно и потерпеть, даже если жарко.

Проспав в полудрёме часа три-четыре, Лу Угуй внезапно, от звона и грохота ритуальных инструментов, вздрогнула и села. В это время в комнату вошла и жена Чжуан Фуцина, окликнув её:

— Эр-я, вставай, Дядя Ин начал обряд. Эй, ты что это делаешь?

Лу Угуй повернула голову, посмотрела на жену Чжуан Фуцина, потом оглянулась на себя и увидела, что в ответ на этот звук она бессознательно сложила пальцы в ритуальной печати и замерла в позе! Эх, всё из-за того, что слишком много плохих снов снилось! Но, посмотрев на свой жест, она поняла, что мастер инь-ян, проводивший обряд, только что звонил в колокольчик призыва души. Она вытерла пот со лба, слезла с кровати и, собравшись взять расчёску, снова была остановлена женой Чжуан Фуцина, которая сказала ей:

— Нельзя расчёсываться. — И добавила: — Нельзя умываться, нельзя мыть голову, нельзя купаться, нельзя есть мясо...

Когда она вспомнила, что мастер инь-ян назначил похороны через неделю и что всю эту неделю до похорон дедушки ей нельзя будет ни мыться, ни есть мяса, ей стало совсем нехорошо. Она знала восемь иероглифов даты рождения дедушки и знала время его смерти, поэтому решила сама всё рассчитать. Рассчитала и тут же возмутилась. Ерунда! Завтра же можно хоронить! Она побежала в зал для прощания и увидела седобородого мастера инь-ян, которому было под семьдесят, но выглядел он ровесником её дедушки. Он вёл двух учеников, обходя гроб, в котором уже лежал дедушка, и проводя обряд. Увидев её, мастер инь-ян, не прекращая читать сутры для проводов души, указал на неё, давая знак встать на колени перед гробом. Она открыла рот, чтобы сказать: «Я рассчитала, что можно похоронить завтра», но тут же услышала, как старый мастер инь-ян крикнул: «На колени!», и жена Чжуан Фуцина, схватив её и надавив, усадила на подушку для коленопреклонений.

— Кланяйся!

— Встань!

— На колени!

Лу Угуй чувствовала, что её замучили этими «на колени — кланяйся — встань».

Когда обряд закончился, Лу Угуй пошла искать Сестрицу Сяошэн, чтобы утешиться, но, обернувшись, увидела, что мастер инь-ян махнул Сестрице Сяошэн рукой и повёл её в её же комнату. Она пошла за ними и услышала, как мастер инь-ян спрашивает Сестрицу Сяошэн:

— Ты прошлой ночью на что-то наткнулась? — И, увидев её, он тоже поманил её рукой и спросил: — А прошлой ночью что-нибудь случилось?

Лу Угуй подумала, что всё, что было ночью, похоже на сон, на всякую чертовщину, и если она расскажет, её опять сочтут дурой, поэтому промолчала.

Мастер инь-ян указал на шею Чжуан Сяошэн и сказал:

— Ты внимательно посмотри на её шею.

Лу Угуй взглянула на шею Чжуан Сяошэн и сразу увидела, что место, которое вчера расцарапали, покраснело, размером с половину ладони. Она подошла поближе к Чжуан Сяошэн, всмотрелась и заметила, что на расцарапанном месте проступает чернота. И снова услышала голос мастера инь-ян:

— Нужно знать, кто её поцарапал, чтобы подобрать правильное лекарство. Что-то приходило прошлой ночью?

Лу Угуй сказала:

— Приходила старуха.

— Как она выглядела?

Лу Угуй выпалила:

— Как хорёк. — И добавила: — А, да, и ещё чёрная кошка.

Мастер инь-ян присвистнул и спросил:

— Зачем она приходила? Что говорила?

Лу Угуй ответила:

— Хотела вещи из дедушкиной комнаты. Сказала, чтобы я всё ей перетасила, она сама выберет.

Чжуан Сяошэн вытаращила глаза и спросила:

— А я почему не знаю?

Лу Угуй сказала:

— Ты спала как убитая, тебя хоть за горло хватай — не проснёшься.

Мастер инь-ян больше ничего не сказал, вышел, налил в миску воды, растворил в ней сожжённый талисман и протянул Чжуан Сяошэн:

— Выпей.

Чжуан Сяошэн взяла миску, посмотрела на воду с пеплом и не знала, пить или нет. Не пить — вроде бы всё это кажется жутковатым. Пить — вроде бы ненаучно. Она увидела, что Лу Угуй, выпучив глаза, с изумлением смотрит на талисманную воду, стиснула зубы и залпом выпила половину. Хотела поставить миску, но услышала голос мастера инь-ян:

— Допивай до конца.

Чжуан Сяошэн потерпела и одним духом осушила миску.

Лу Угуй увидела, как какая-то пухлая тётушка, показавшаяся ей знакомой, но которую она не очень хорошо знала, громко закричала:

— Ой, Чжуан, старшая сестричка, ты что, бесом одержима?! У вас в доме и правда нечисто! Ой, тогда ужинать надо пораньше, возвращаться до темноты...

Голос у неё был очень громкий, она тараторила без умолку, привлекая к себе кучу бабушек и тётушек. Лу Угуй подумала, что именно про таких говорят «громче грома», и решила, что Сестрица Сяошэн, должно быть, того же мнения, потому что увидела, как у той лицо позеленело.

Из-за криков той толстухи по всему двору Лу Угуй слышала только разговоры о том, что у них в доме нечисто. Говорили всё с большим воодушевлением, каждая словно своими глазами видела, как по ночам на балках у них болтаются повешенные. Расписывали дом так, будто он стал настоящим притоном нечисти. Даже слухи о нечисти в Диком горном лого приписали её дому. У них в доме есть повешенные? Лу Угуй машинально подняла голову и посмотрела на балку, подумав про себя: «Разве не говорят, что на балках, где вешались люди, оставляют отметины? У нас никто не вешался, откуда же взяться призракам?» Пока она недоумевала, до неё донеслось, как какая-то тётушка вполголоса сказала:

— Глядите, глядите, эта дурочка на балку уставилась. Говорят, у неё душа неполная, она видит призраков. Вот, я смотрю, она как раз на призрака и глазееет.

— А я слышала, что у неё душа неполная, и в неё легко вселяются духи. Вон, в прошлый раз, у моих соседей, у Бабушки У, ну вы знаете, у неё на могиле протечка была, так этот дух через

неё и нашёл дорогу к семье У. Я тогда утром вышла кур кормить и видела, как эта дурочка спит у порога дома У. А на следующий день старший У и повёл людей в горы могилу поправлять.

— Ай, да-да-да-да-да, а у Четвёртого Ли, у его Взя, в горном водоёме утоп, несколько дней не могли найти...

— Ай, не говорите, Фуцин идёт...

Лу Угуй вдруг почувствовала, как Сестрица Сяошэн сжала её руку. Она непонимающе повернулась к ней и увидела, что та тихо говорит ей:

— Когда дедушку похоронят, поедешь со мной в город.

Лу Угуй, вне себя от радости, воскликнула:

— На самолёте?

Чжуан Сяошэн кивнула:

— Если хочешь, я сейчас скажу родителям и закажу тебе билет. Ах да, дедушка тебе паспорт сделал?

Лу Угуй ответила:

— Сделал.

Чжуан Сяошэн сказала:

— Тогда дай мне его потом.

Лу Угуй, счастливая от мысли, что полетит на самолёте, не могла ждать ни минуты. Она тут же побежала в свою комнату, достала из шкафа рюкзак, который купила ей Сестрица Сяошэн, нашла там свой паспорт и отдала его.

После обеда Лу Угуй, скучая, листала тетрадку, лежавшую на восьмиугольном столе, в которую записывали подношения и имена гостей, и время от времени поглядывала на курильницу — не пора ли добавить благовония. Чжуан Сяошэн и жена Чжуан Фуцина были во дворе, убирая столы, которые раскидали после обеда гости, и подметая разбросанные повсюду кости, салфетки и прочий мусор. Двор находился совсем рядом с залом прощания, и тихие разговоры Чжуан Сяошэн и жены Чжуан Фуцина отчётливо доносились до ушей Лу Угуй.

Лу Угуй слышала, как жена Чжуан Фуцина спрашивает Чжуан Сяошэн, есть ли у неё парень, хорошо ли идут дела на работе, и советовала ей побольше копить, а не присылать деньги домой. Говорила:

— Теперь Эр-я поправилась, не болеет, только поесть да пару вещей купить, за год много не потратишь. Ты собираешься обосноваться в большом городе, я слышала, там квартиры дорогие. Копи побольше для себя, семья ничем не поможет, придётся самой. Когда мы с отцом состаримся и не сможем работать, заботиться об Эр-я придётся тебе. Тогда без денег не обойтись. Пока мы с твоим отцом ещё можем работать, дома нет лишних трат, ты деньги откладывай...

Лу Угуй слушала причитания жены Чжуан Фуцина и думала, что та читает мантры не хуже монаха.

— Мам, я заказала Эр-я билет на самолёт. Хочу взять её с собой.

— Что? Зачем ты ей билет заказала? Куда ты её повезёшь? В городе расходы большие. А если узнают, что у тебя есть такая сестра, которая с тобой живёт, кто же захочет на тебе жениться?

— Когда мы удочерили Эр-я, было договорено, что она не может жить с вами. Теперь, когда дедушка Сюй умер, Эр-я осталась одна, за ней некому присматривать. У неё лунатизм, ночью ей нельзя оставаться одной.

— Тогда забери её домой.

— Отец твёрдо верит, что наша семья не сможет её прокормить, и не согласится. Кое-что, хоть и суеверие, но лучше в это верить, чем не верить. К тому же сейчас медицина так развита, я хочу отвезти Эр-я в больницу, проверить, может, её лунатизм можно вылечить.

— А лунатизм лечится?

— Говорят, лунатизм связан с чрезмерной активностью нервов. Когда человек спит, центральная нервная система всё ещё возбуждена и не отдыхает, поэтому и происходит лунатизм. Если принять лекарства, подавляющие активность нервных клеток, должно помочь. Я не врач, не очень в этом разбираюсь, но отвезти её в больницу проверить никогда не помешает. Может, и вылечится? У Эр-я умственное развитие немного отстаёт, но она не беспомощна, она способна учиться. Она уже взрослая, я хочу вывезти её, найти ей какую-нибудь простую работу, которую она сможет выполнять, чтобы у неё был свой заработок. — Чжуан Сяошэн помолчала и добавила: — Я не говорю, что не буду её содержать. Но жизнь непредсказуема. Если что-то случится, она сможет сама себя прокормить, разве нет?

Лу Угуй долго ждала, прежде чем услышала, как жена Чжуан Фуцина вздохнула и сказала:

— Ты у нас образованная, окончила престижный университет, у тебя кругозор. Если твой отец согласится, я возражать не буду.

Лу Угуй подумала про себя: «А почему меня никто не спрашивает?» Она радостно размышляла: теперь-то она точно поедет с Сестрицей Сяошэн в большой город, увидит высокие дома в десятки этажей и полетит на самолёте в облака. Она была погружена в приятные мысли, когда увидела, как мимо проходит какая-то тётушка с тарелкой, взглянула на неё, а затем на кухне послышалось, как она шепчется с кем-то:

— Ну и дура же она. Дед, который её растил больше десяти лет, умер, а она улыбается.

— Чжуан Фуцину эти похороны Даоса Сюя, наверное, в несколько тысяч встанут? Я слышала, что могилу внутри плиткой обложили. Ну и хитёр же этот Даос Сюй: взял к себе дурочку Чжуан Фуцина, и вот тебе семья, которая обеспечила ему достойные похороны. А обряд, говорят, будут семь дней проводить, так Дядя Ин рассчитал. Можно было бы похоронить и завтра, но Дядя Ин сказал, что завтра хоронить — не к добру для потомков, и Чжуан Фуцин наотрез отказался. Скажите на милость, эта Эр-я же не родня Даосу Сюю, у него ни детей, ни внуков, какого чёрта бояться за его потомков? А эти лишние дни — это же лишние деньги.

— Денег бояться нечего, у них сейчас деньги есть. Старшая дочь Чжуан Фуцина окончила престижный университет, говорят, работает в большой компании, уже менеджером стала. Толковая, зарабатывает хорошо, зарплата больше десяти тысяч в месяц, не считая годовой премии.

— Правда?! Ой! Вот что значит престижный университет, сразу видно!

— Эх! А я слышала, что Даос Сюй раньше был даосом, разбирался в фэн-шуй. Чжуан Фуцин отдал ему Эр-я, чтобы тот посмотрел для них фэн-шуй. Чжуан Фуцин попросил Даоса Сюя найти хорошее место и тайно перезахоронил там своих предков. Иначе как бы его старшая дочь так хорошо училась, а после выпуска нашла такую хорошую работу?

<http://bllate.org/book/19149/1880534>